Дмитрий Ищенко

Териберка

повесть

Есть такой поселок на берегу Баренцева моря – Териберка. Его даже можно найти на карте, если посмотреть на Кольский полуостров. По дороге – сто двадцать километров от областного центра Мурманска, а по жизни – все сто лет назад.

Над ним всегда дует ветер. Несется куда-то по кромке берега, по волнам и скалам. Куда торопится, не очень понятно. Рвется, мечется. Стремится прочь от этих мест. А где прибьется, неизвестно.

Живут в Териберке от силы полторы тысячи человек. Живут трудно. Из-за ветров и непогоды дорога в поселок закрыта месяца два в году. Не добраться туда никак – даже вертолетом, потому что всепогодных нет, а обычные с ураганным ветром не справляются.

Впрочем, в советские годы ветра были не меньше, но в поселке текла своя, полноценная по тогдашним меркам жизнь. Рыбакколхоз держал два десятка судов. Были свои плавмастерские и рыбопереработка. А еще коровы, хлебопекарня, две школы и медсанчасть, хорошая котельная и почта – что еще нужно для счастья в Териберке?

Сейчас от былой сытой жизни ничего не осталось. Колхоз обанкротился, мастерские закрылись, рыбзавод остановился… А самое главное, ушло то время, когда все эти блага могли вызывать безоговорочную любовь к родному очагу.

Кто смог, уехал из Териберки. Оставшиеся пристроились, как получилось, – у энергетиков, на причале, в пожарке. Почти все местные жители стали мелкими браконьерами. Ловили рыбу без разрешения, крабов таскали со дна морского, кабель пилили – каждый выкручивался, как мог. Жить-то надо. И даже пограничники с этим не спорили. Они ведь тоже не изверги – свои. Потому и закрывали глаза, если человек не наглел.

В общем, жили в Териберке, как везде. А может, даже чуть лучше, потому что пару лет назад неожиданно привалила умирающему поселку удача. Решили, что именно в это старинное поморское село придет Штокман.

Штокман – это вовсе не мифическое существо наподобие снежного человека, а Штокмановское газоконденсатное месторождение. За несколько десятков лет, прошедших с момента его открытия, оно так прочно вошло в сознание жителей севера, что из длинного сочетания слов про газ и конденсат превратилось в просто Штокман. Коротко и ясно – как фамилия далекого родственника за границей. Где-то он есть и даже, говорят, богат…

От рассказов об этом богатстве захватывало дух. Тонны арктического газа, километры суперпупертруб, проложенных по дну океана, ледостойкие платформы и технологии двадцать первого века – все это Штокман. Достаточно открыть любой рекламный буклет о нем, и увидишь идеальное будущее. Из сотен и даже тысяч отчетов, чертежей и расчетов он уже давно превратился в образ земного рая, намеченного к открытию недалеко от кромки льдов. И этот образ годами грел местных жителей не хуже самого газа. Так Штокман перестал быть просто Штокманом. А уж когда выяснилось, что та самая заветная труба с газом должна вынырнуть из арктического моря прямо в Териберке, то всем стало понятно, что поморскому поселку свезло несказанно.

Тут уж вспомнили, что Штокман – это еще и Путин, и французы с норвежцами. Они тоже потянулись в Арктику добывать те самые богатства. Без иностранцев туда все равно не добраться, да и газ потом разойдется чуть ли не по всему миру. И в центре всего – наша маленькая и забытая Териберка! Такое и представить-то трудно!

Одна проблема – до Штокмана еще дожить как-то надо. А когда он здесь появится, неизвестно.

Апрель в Териберке – странное время. Везде уже весна наступает. Даже в Мурманске кое-где асфальт из-под снега проглядывает. А в Териберке – сугробы выше крыши, дорога переметена, и в непогоду из дома выйти опасно. И с Большой землей никакой связи. Естественно, что именно в это время в Териберке приключается все самое неприятное.

Нынешний апрель не стал исключением: сгорела котельная. Запылала, как сухой стог, и всего через три часа превратилась в обугленные балки и каркасы, которые чернели на фоне заснеженных сопок. В считанные минуты ветер разметал запах гари над сопками и пеплом укрыл ложбинки между скал.

Пожарные в Териберке были. Точнее – один штатный пожарный и его добровольная дружина. Но они ничего сделать не смогли. Пламя шустро пробежало по ветхим деревянным перекрытиям допотопного строения, а уж когда огонь обнял цистерны, люди и вовсе благоразумно отошли подальше. Никто же не знает, сколько в них топлива. Может и рвануть.

Так и стояли пожарные рядом, отгоняли зевак и надеялись на чудо, что огонь не перекинется на соседние здания. И еще рассуждали, что пожар – это даже хорошо, ведь котельную все равно когда-нибудь предстояло сносить, а теперь и платить за это не надо.

В это время в соседней пятиэтажке происходила совсем другая история. Витька Михальчук мирно спал на диване в своей однокомнатной квартире, спокойно и беззаботно, словно младенец, довольный своей жизнью. Даже своей квартирой: странное и не всегда логичное сочетание коридоров, шкафов и жилых пространств нельзя было назвать ни “хрущевкой”, ни “брежневкой”, ни чем-то еще, но все равно считалось однокомнатной квартирой. Витька получил ее, когда приехал по распределению руководить местным хором народной самодеятельности. Была такая самодеятельность в советские годы в местном доме культуры.

Самодеятельность, в общем-то, осталась и сейчас. Териберский хор, в котором пели представительницы прекрасной половины Териберки от восьми до восьмидесяти, регулярно собирался каждую среду и субботу на репетиции. И даже иногда выезжал на гастроли в соседние села. Правда, здание дома культуры сильно обветшало: краска на стенах облупилась, крыша потекла, отопление стало условным, а половицы скрипели даже от дуновения ветра. Но он все равно продолжал оставаться очагом культуры.

Витька собирался уехать из Териберки, когда истекли положенные по распределению три года, но так и не сделал этого. К тому времени уже не было ни Советского Союза, ни возможности найти себе применение где-то на Большой земле. Так и остался он в Териберке с женой Людмилой, не сильно довольной выпавшим ей жребием, и родившимся сыном Мишкой.

Время шло, хормейстер все ближе подходил к возрасту, когда его следовало бы называть Виталием Петровичем, а он все оставался Витькой. И только на репетициях хора к нему неизменно обращались по имени-отчеству. Куда же от этого уедешь?

В тот день, когда приключился пожар, Витька был дома один. Сын уже несколько лет учился на судоводителя в морской академии и жил в Мурманске. В Териберку приезжал разве что на Новый год или летом. А сейчас и жена отправилась в город навестить ребенка.

Как это водится в Териберке, после отъезда жены Витька выпил. Не сильно, но тем не менее. Посидели с мужиками, поговорили о привычном: о том, что все плохо, что страну разворовали, что о людях никто не думает, да и разошлись мирно по своим квартирам.

Витька лег спать не раздеваясь, чтобы не тратить лишних времени и сил. Тем более, опять отключили горячую воду и теперь спать в одежде было еще и теплее.

Когда в три часа ночи загорелась стоявшая рядом с домом котельная, Витька тяжело оторвал голову от подушки, поднялся с кровати и подошел к окну. Под ним смутно дрожали языки пламени, и Витькины глаза наполнились ужасом. Сомнений быть не могло: горел их дом.

Не теряя времени, Витька распахнул окно:

– Горю! – почти пропел хормейстер в ночное небо. Ветер подхватил глас вопиющего и понес его над Териберкой. А Витька тем временем решительно забрался на подоконник и бесстрашно нырнул с пятого этажа.

Единственного штатного пожарного в Териберке звали Владимиром. Ему было пятьдесят с лишним лет, и никто никогда не спрашивал, как он оказался в Териберке. Казалось, он просто был ее частью, и все обращались к нему исключительно по отчеству – уважительно и по-свойски.

Когда горела котельная, Петрович как истинный профессионал находился в гуще событий. Он был захвачен видом огненной стихии и чувствовал, как в очередной раз его личная судьба и жизнь поселка сплетаются в тугой и прочный узел.

Тем острее резанул слух странный высокий крик, который диссонансом ворвался в эту почти эпическую картину сквозь треск огня и порывы ветра. Поначалу Петровичу даже показалось, что это вовсе не крик о помощи, а выражение универсальной радости от того, что в облике ветхой котельной сгорает старая жизнь.

Петрович оторвал взгляд от пламени и огляделся. Никто из стоявших рядом так голосить не мог. Главный пожарный чуть растерянно повернулся к домам. В этот же самый момент он увидел Витьку. Тот стоял в окне пятого этажа, широко расставив ноги и раскинув руки. Спустя мгновение Витька шагнул в открытый териберкский космос.

Сердце пожарного похолодело, и он рванул к точке Витькиного приземления. В едином порыве за ним устремилась вся его дружина.

Пьяному люду в нашем отечестве всегда везло. Об этом знали испокон веков, и за последнее тысячелетие на этой территории земного шара мало что изменилось. Витька благополучно приземлился в сугроб, наметенный под его домом за девять териберских зимних месяцев, и начал постепенно приходить в себя, принимая снежные ванны.

Только тут до него стало доходить, что, пожалуй, он погорячился, сиганув из окна собственной квартиры. Дом-то ведь не горел, как оно показалось сначала. Ну да ладно, зато проветрился, решил Витька и потянулся вверх, чтобы выбраться из сугроба, да не тут-то было. Острая боль укусила ноги и противно отозвалась по всему телу. Витька потерял сознание, так толком и не придя в него.

– Живой? – непонятно кого спросил Петрович, добежав со своею пожарной дружиной до Витьки.

– Разбился… – сказал кто-то из его спутников, разглядывая неподвижно лежавшего на снегу местного экстремала.

– Да нет… Живой. Вон, дышит…

– Точно дышит!..

– Тащи его!

Тут Витька застонал.

– Точно живой! – радостно произнес Петрович, словно в этом была его личная заслуга. – Но покалечился! Молодец! Куда ж его теперь?

– Давай к Семеновне, она вон там, на первом этаже.

– В пять утра? – попытался кто-то проявить деликатность.

– Так она все равно встает рано. К ней можно…

И пусть только кто-нибудь попробует сказать, что мы занимаемся не своим делом, размышлял Петрович, укладывая Витьку на доски, из которых сделали носилки. Человека спасаем!

И пожарная дружина потащила покалеченного человека к Семеновне мимо догорающей котельной. Хоть и не спасли котельную, успокаивал себя Петрович, зато Витька – единственный, кто пострадал на пожаре. Да и то – по своей же глупости.

В пять утра Семеновна уже была на ногах и быстро открыла дверь:

– А у меня еще не готово, – растерянно развела она руками, когда увидела на пороге целую толпу клиентов. – Я только поставила…

– Да мы не за самогоном, – проскрипели рассохшимися половицами мужики. – У нас Витька пострадал.

– Я тут ни при чем, – встала в оборонительную позу Семеновна. – Да, он вчера брал, но я сама проверяла качество. Вы же знаете: я что попало не гоню…

– Успокойся, – тихо и властно произнес Петрович. – И пропусти.

Казалось бы, бизнес Семеновны давно должен был приказать долго жить. Однако с приходом рынка самогоноварение в лету не кануло. Как объясняли мужики, Семеновна давала хорошее качество по правильной цене. Еще неизвестно, что там привезут в сельпо, а тут – гарантия в шаговой доступности.

Витьку положили на диван. И только тут заметили, что он прыгнул в окно в тапочках, которые странным образом так и остались при нем, несмотря на полет и приземление в сугроб. Семеновна бережно сняла их и поставила рядом с диваном.

– А теперь – за врачом, – окончательно вошел в роль старшего на рейде Петрович. – Она – в соседнем доме.

Сразу несколько человек рванули исполнять поручение начальника пожарной службы.

– Только живо! – бросил он им вслед и сел на стул рядом с изголовьем пострадавшего. Левой ладонью он подпер подбородок и положил локоть на стоявший рядом стол, живо напомнив этой позой картину Пикассо “Абсент”.

Семеновна заботливо подошла к Петровичу, чуть наклонилась к нему и доверительно спросила:

– Выпьешь? – В ее голосе звучало искреннее участие.

– Ты что! – возмутился Петрович и неопределенно махнул рукой в сторону. – У меня там пожар.

– Ну хотя бы чаю…

– Чаю давай.

Но до чая у них дело не дошло: в коридоре вновь раздался топот шумных ног. В комнату ворвалась добровольная пожарная дружина и с ходу выпалила:

– Врач уехала в Мурманск! Сдавать дела перед увольнением…

– А вместо нее кто? – со слабой надеждой и возмущением в голосе спросил Петрович.

– Никого! – бодро ответили гонцы. – И дорога переметена.

– И штормовое предупрежденье…

– И как же теперь Витька? – спросил кто-то из задних рядов дружины.

Вопрос так и повис в воздухе.

– Где этот гребаный Петрович?! – заглушая ветер, орал глава Териберки Ягайцев, когда наконец-то добрался до сгоревшей котельной. Глава жил в соседнем поселке, который назывался Старой Териберкой, а котельная стояла в Новой. Разделение это было условным и актуальным разве что для местных жителей. Впрочем, чтобы добраться из одной части Териберки в другую порою уходило больше часа, не говоря уже про непогоду. Ягайцев прибыл на место, когда, собственно, от котельной осталось одно пепелище.

Местный мэр был в тех краях небезызвестным рыбацким капитаном. Всю жизнь он ходил в море, однако несколько лет назад спалился на браконьерстве. Надел на трал “рубашку” – дополнительный мешок с более мелкой ячеей – и не успел обрубить концы, когда нагрянула рыбоохрана.

Хуже всего было то, что к нему на борт поднялись не российские, а норвежские инспекторы. А с ними уж точно не договоришься. И так и сяк попробовал Ягайцев, да ничего не получилось. И тогда он понял, что единственный способ выбраться из передряги – обычное бегство.

Для порядка он, конечно, предложил инспекторам покинуть судно, но те отказались, и Ягайцев с иностранцами на борту дал деру из норвежских вод в Мурманск.

Суд над браконьером тянулся несколько лет. В результате Ягайцев избежал наказания, но был лишен возможности работать в море. И тогда капитан-браконьер подался в политику. Так он стал мэром небольшого, но гордого поселка на конце газовой трубы, которая пока еще не появилась из пучин моря.

Осмотрев пепелище, Ягайцев понял, что теперь самое главное – определить крайнего. Того, кто будет отвечать за пожар и за то, что поселок зимой остался без тепла и горячей воды. Вот и закричал он что было мочи:

– Ну, где этот гребаный Петрович?! Фа-а-а?! – с повышающейся от ветра интонацией взывал к вечности человек, ответственный за очень малую ее часть в очень ограниченный период времени на крохотном пятачке, называемом Териберкой.

От Териберки до Мурманска – сто двадцать километров по автомобильной дороге. Когда она открыта, разумеется. По прямой – не больше семидесяти. Это если погода летная и есть вертолетная оказия. Что тоже бывает не часто. А вот для ветра таких ограничений нет. Для него погода всегда летная. И чем суровее шумит Баренцево море, чем строже бьются волны о скалистый берег, тем ему веселее. Тем быстрее он долетает от Териберки и до Мурманска, и до Норвегии, а это от Мурманска по прямой еще километров сто. И жизнь там совсем другая. Но ветер тот же самый…

Директор по маркетингу сети недорогих норвежских отелей Фруде Янсон сидел на кровати в шикарном номере мурманской гостиницы. Он заселился сюда неделю назад. Но, похоже, уже и сам не очень понимал, зачем. Дела, ради которых он приехал в Мурманск, стояли, как лед в Арктике, и вовсе не собирались таять, несмотря ни на какое глобальное потепление.

За последние семь дней, проведенные в номере мурманской гостиницы, Янсон не брился ни разу, не разговаривал ни с одним норвежцем и даже толком не знал, что происходит у него на родине. Его глаза опухли из-за поврежденного распорядка дня, накопившегося раздражения и опустошенного гостиничного бара.

Фруде привстал с кровати и открыл окно. В номер ворвался ветер, который, как ему показалось, был гораздо холоднее, чем в его Норвегии. А вместе с этим порывом в воздухе мелькнуло какое-то странное “Фа-а-а!”

И тут у Фруде возникло ощущение, что этот вечер почти один в один напоминает другой – тот, что он провел в очень похожем гостиничном номере в соседнем с российской границей норвежском городе Киркенесе три месяца назад.

Тогда он точно так же открыл окно и почти тут же закрыл его, когда в комнату ворвались крики потомков диких викингов, сидевших в соседнем баре. В тот день, как и сейчас, Фруде не был расположен к веселью.

Он отдавал себе отчет, что руководство его компании не случайно решило провести годовое собрание акционеров на самом севере Норвегии, в крохотном отеле, за который Фруде нес персональную ответственность. В минувшем году именно эта гостиница принесла компании наибольшие убытки. И уже вскоре виновным за это корпоративное преступление, судя по всему, будет назначен именно он.

Фруде грустно сел на диван перед разложенным на стеклянном журнальном столе годовым отчетом и тяжело вздохнул. Завтра от него ждали не только объяснения причин провала предложенной им “северной стратегии развития бизнеса”. Про мировой кризис и спад в экономике Севера Европы все знают и без него. Строго говоря, для этого совсем не обязательно быть директором по развитию сети гостиниц. От него ждали другого.

Фруде тоскливо перелистывал бумаги. Сначала справа налево, потом слева направо. От перемены мест слагаемых количество умных мыслей не прибавлялось. Не найдя в годовом отчете истины, он поднялся и дошаркал до ванной комнаты. В зеркало на него смотрел небритый мужчина средних лет с потухшим взором.

Мужчина Фруде не понравился.

Он сполоснул лицо и провел мокрыми руками по волосам. Оптимизма от этого не прибавилось. Не найдя в ванной успокоения и ни одной свежей мысли, Фруде вернулся в комнату. На стол он даже не взглянул.

Присев на корточки, он открыл бар и выудил оттуда банку пива. Потом выпрямился и обреченно сел, а потом и лег на застеленную кровать. Несколькими движениями он сгреб подушки в изголовье. Устроившись на них, Фруде принялся переключать телеканалы с помощью пульта. NRK-1, NRK-2, BBC, Yulis-radio, закодированная эротика. Он опять вздохнул и посмотрел на годовой отчет, потом опять вернул взгляд на светящуюся табличку, требовавшую оплатить мирские радости.

Фруде отхлебнул пиво. На фоне годового отчета ничто его не вдохновляло, и Фруде продолжил бессмысленный поиск новых каналов: японский, шведский и даже китайский… А это, кажется, русский… В душе у директора шевельнулось недоумение. Русский канал? Странно. Он не мог вспомнить, когда было принято решение подключить его. И было ли оно вообще. Хотя в Киркенесе с его близостью к русской границе такой канал, может быть, и нужен… Но почему без его ведома?..

Ну ладно, единичка так единичка, подумал Фруде, увидев знакомую по родному телевидению передачу “Миллионер” в русском варианте. И устало решил, что все эти шоу на одно лицо по всему миру.

Наутро Фруде заставил себя почувствовать бодрость.

Он открыл окно, принял холодный душ, сходил на завтрак.

На родной территории отелей, которые он призван развивать, ему просто нельзя не источать энергию, говорил Фруде сам себе и потому сдержанно улыбался всем, демонстрируя спокойствие и уверенность.

За завтраком между бутербродом с икрой трески, яйцом и ломтиками бекона, он пролистал газету. Ничего нового. За чашкой кофе Фруде окончательно понял, что крах неизбежен, – у него не было никаких свежих идей.

Когда он вошел в конференц-зал, черные и серые пиджаки сидели за большим круглым столом. Они о чем-то тихо переговаривались друг с другом, пока не появился Фруде.

Все выжидательно и даже с сочувствием посмотрели в его сторону. Они знали, кто будет крайним.

Фруде сухо поздоровался со всеми.

Еще несколько томительных минут он выуживал из своего портфеля бесполезные бумаги, перекладывал их то слева от себя, то справа. Потом рылся в кожаных недрах в поисках ручек, карандашей… И так до бесконечности.

Большой босс вошел в зал медленно и тихо. Зато все остальные поднялись очень громко. Фруде – вместе со всеми. Правда, именно в этот момент ручки, которые лежали рядом с его блокнотом, покатились по столу и с шумом упали на пол. Что окончательно вселило в собравшихся уверенность, что дни Фруде Янсона на посту директора по развитию сочтены.

Большой босс был человек преклонного возраста – никак не меньше восьмидесяти. Он был старшим в компании, хотя и не вникал глубоко в ее управление. Для этого он держал свиту помощников, экспертов и консультантов. А сам лишь изредка появлялся на ответственных мероприятиях.

Сказать по правде, организаторы годового собрания не были убеждены, приедет ли босс сюда. Он мог делегировать свои полномочия кому-либо из собравшихся, что еще больше упростило бы принятие решения по Фруде. Но все-таки большой босс лично приехал в Киркенес, а это создавало дополнительную интригу.

Глава компании сел во главе стола и кивком головы дал понять, что можно начинать. Топ-клерки зашелестели бумагами. Это означало, что они начали работать.

В этот момент для Фруде все переменилось удивительным образом.

Он перестал вслушиваться в обилие звучавших фраз и неожиданно для себя погрузился в совершенно иную реальность.

Эта реальность открылась на той странице центральной газеты, до которой он так и не добрался за завтраком, но на которой свернул свежий номер его сосед.

Сосед пробежал глазами спорт, погоду и забыл про газету, положив ее под стопку бумаг, однако Фруде этого было достаточно. На краешке газетного листа, наискосок, в реальную жизнь прорывалось название старинной русской деревни – “Teriberka”.

Что-то смутное извлекал из своего сознания Фруде, повторяя его про себя: про Штокман, про газ, про французов и про норвежцев, которые хотят там работать… И неожиданно он почувствовал воодушевление в тот самый момент, когда ведущий объявил, что все готовы заслушать его – то есть Фруде – отчет.

Отчет был, прямо скажем, так себе. Неутешительным. На его фоне Фруде выглядел мальчиком для битья. И по окончании доклада его автора действительно собирались бить, задавая неудобные вопросы. Все карты спутал не вовремя проснувшийся большой босс.

Вместо того чтобы потоптаться на костях потерпевшего фиаско директора, он как-то сразу, неожиданно перешел к финалу:

– Ну и что ты предлагаешь? – спросил он Фруде на “ты”, потому что формы “вы” в норвежском языке просто нет.

– Знаешь, – ответил Фруде, естественно, тоже на “ты”, – я предлагаю построить норвежский отель в Териберке. Это будет первый европейский отель в будущей газовой столице России. И этот отель будет наш!

Все озадаченно посмотрели на Фруде, пытаясь оценить его наглость, но он вовсе не выглядел смущенным.

– Там будет газ, придет “Статойл”, “Тоталь”, “Газпром”. Там – будущее! – спокойно заявлял Фруде, давая понять, что эти аргументы не единственные в его багаже.

– Неплохо, неплохо, – кивал в ответ большой босс. – Очень неплохо…

Потом большой босс ненадолго задумался.

Всем казалось, что бегут не секунды, а минуты, а для Фруде и вовсе – часы! Если бы в Норвегии в это время года жила хотя бы одна муха, ее можно было бы услышать аж за сотню миль. Но мух здесь не водилось, и только Фруде показалось, что откуда-то издалека прилетел странный выдох “Фа-а-а!” Он нервно посмотрел в окно. Оно действительно было чуть приоткрыто: норвежцы помешаны на свежем воздухе.

– Ну вот ты этим и займешься, – сказал большой босс и кивнул Фруде, словно сообщая, что он свободен, а экзекуция окончена.

Так Фруде оказался в Мурманске.

Несколько месяцев Фруде вел переговоры с русскими партнерами по телефону. Параллельно оформлял бумаги, запрашивал визы и разрешения. И вот когда, казалось, все формальности были согласованы и даже выплачены предварительные взятки, сама природа встала на его пути. Он приехал в Мурманск, но ураган замел перед ним дорогу в Териберку. И сейчас Фруде вновь находился на грани отчаяния. Оно становилось еще глубже оттого, что завтра в Мурманск ни с того, ни с сего решил приехать большой босс. Он пожелал лично осмотреть объекты в Териберке, которые предлагает купить его подчиненный Фруде Янсон.

Про непогоду в Териберке босс, конечно, поймет, рассуждал Фруде. Но второй раз сюда уже не приедет. И одному Оддину известно, чем такое стечение обстоятельств грозит карьере Фруде. Так что он вновь пребывал в не свойственной норвежцам тоске…

Несколько минут Ягайцев стоял рядом с догоравшей котельной. Косыми порывами ветер нес снег из океана в глубь континента и пропадал где-то за горизонтом в темных сопках. Глава поселка грустно смотрел на то, что осталось от котельной, потому что в его политической судьбе старая котельная играла особую роль.

Всю свою бытность в новой для себя должности он настаивал, что сможет построить счастье на отдельно взятой территории. Лишь бы ему не мешали. Однопартийцы поддержали этот тезис Ягайцева, а конкуренты на короткое время отступили. Наведение порядка в ЖКХ поселка стало главным партийным проектом Ягайцева. А судьба преподнесла такой удар. Тут уж не до счастья – поселок бы не заморозить…

Ягайцев достал из кармана телефон и вытащил из-под шапки ухо. Когда на том конце телефонного пространства проявилась какая-то жизнь, глава поселения заявил тихо и кратко:

– Наш партийный проект сгорел.

В трубке что-то непонятно пробурчало.

– Наш партийный проект сгорел! – произнес Ягайцев чуть громче.

Но мобильная связь в этих местах оставляла желать много лучшего, тем более – в непогоду.

– Наш партийный проект – сгорел!!! – рявкнул бывший капитан, словно раненый тюлень. Тут у него сел аккумулятор, и сеанс связи с районной штаб-квартирой его родной партии закончился.

– Что он имел в виду? – озадаченно посмотрел вокруг себя сонным взором руководитель районной партийной организации по фамилии Лермонтов. Телефонный звонок застал его в постели. Сознание не хотело возвращаться к реальности. Стрелки часов показывали половину пятого.

Ну нет, решил Лермонтов и вновь погрузился в сон, пусть он и был уже изрядно испорчен. Ни один партийный проект не стоит скомканного сна. Однако мозг нельзя отключить от повседневной суеты. Спустя десять минут ему приснились страшные слова “Партийный проект сгорел!”, и Лермонтов окончательно проснулся в холодном поту.

Сигнал о пожаре пришел в областное управление МЧС спустя час после возгорания. Причина задержки все та же – мобильная связь была ненадежной, а другой не существовало. Дежурный принял сигнал и передал его наверх по цепочке. Информация шла тернистым путем от руководителя к руководителю, выдергивая офицеров из кроватей и отрывая от домашнего тепла, пока не добралась до генерала. Чрезвычайное положение требовало чрезвычайных мер реагирования. И спустя полтора часа, с хмурыми лицами, но при погонах, все как один офицеры штаба явились в управление.

– Какие будут предложения, товарищи офицеры? – спросил генерал, в очередной раз заслушав доклады.

В кабинете воцарилась тишина. Предложений не было.

В принципе, конечно, предложить чего-нибудь было можно. Но все понимали, что дорога переметена и никакая техника в Териберку сейчас не пробьется. Ни один из имеющихся четырех вертолетов в ураган не взлетит. Корабли береговой охраны не смогут не то что подойти к берегу, а даже отойти от мурманского причала.

– Какие будут предложения, товарищи офицеры? – грозно повторил генерал. Шансов отсидеться не оставалось. В соответствии с должностью слово взял начальник штаба полковник Отмычкин.

– Товарищ генерал, в настоящий момент погодные условия не позволяют нам направить в район Териберки технику. В то же время на месте работает группа квалифицированных сотрудников пожарной службы. Они ситуацию контролируют. Пожар локализован. Жертв

нет. Предлагаю ждать, когда погодные условия позволят выехать на место. – Рапорт Отмычкина был прост и короток. Именно этого ждал от него генерал.

– Товарищи, будут другие предложения? – Генерал повел взглядом по лысинам своих подчиненных, уткнувших лица в бумаги, традиционно-спасительно лежавшие перед ними.

– Значит, на этом и порешим, – поставил точку в немногословной дискуссии генерал и вздохнул. Он уже думал о том, как будет докладывать о ситуации и объяснять региональному центру МЧС отсутствие служебного рвения на местах.

Если бы Петрович и его добровольная дружина знали, что их называют группой квалифицированных сотрудников, он и его товарищи исполнились бы неимоверной гордости. Тем более когда выяснилось, что именно благодаря ему, Петровичу, был локализован пожар и на нем никто не погиб. В другой ситуации он, наверное, целую неделю ходил бы по всему поселку с гордо поднятой головой и даже сумел бы не реагировать на упреки жены, которая всегда подозревала его в не санкционированном ею потреблении алкогольных напитков.

Но о своих неожиданных заслугах Петрович ничего не знал. Более того, даже не думал о них. Перед ним лежал стремительно трезвеющий человек со сломанными ногами. Витьку начинало трясти. Ему было больно.

– Держись, – уговаривал его Петрович. – Наши прилетят, заберут тебя… А в больнице склеят…

В ответ Витька постанывал, как несчастная дворняга.

– Чего делать-то будем? – вопрошали дружинники.

– А что делать?! – возмутился в ответ Петрович. – Пошли Ягайцева дергать! Он же у нас тут власть…

– Я тебя в тюрьму посажу! – закричал Ягайцев, увидев Петровича, который вернулся на место пожара. – Ты где был, когда котельная горела? Фа-а-а?!

– Человека спасал, – сдержанно и с достоинством ответил Петрович.

За ним стояли его квалифицированные сотрудники, хмуро смотревшие на Ягайцева. Их безмолвие выглядело ярче любого красноречия. Увидев это единодушие, Ягайцев решил не перегибать палку.

Почувствовав, что в этой микробитве за перекладывание ответственности победа осталась на его стороне, Петрович великодушно переменил тему:

– Там Витька ноги сломал. Он единственная жертва…

– Ноги? – не понял Ягайцев.

– Да, а врача нет. Надо его как-то на Большую землю…

– Ты в своем уме, Петрович? – спросил Ягайцев, наклонившись к собеседнику. – Смотри, какая погода, и она не собирается успокаиваться. У меня сейчас весь поселок замерзнет, а ты мне предлагаешь своего друга-пьяницу спасать! Ты понимаешь, что говоришь?

– Понимать-то понимаю, но человека ведь не бросишь, – настаивал на своем Петрович.

– Вот ты этим и займись, – сплюнул Ягайцев. – Когда пожар потушишь…

Они синхронно посмотрели на то, что еще вчера вечером было котельной. Остатки пламени грустно выедали последнюю плоть дерева и вяло лизали почерневшее железо.

Зрелище действительно было тоскливое.

– Люда, ты только не волнуйся! – кричала в мобильную телефонную трубку Семеновна. Она служила на местной почте последние тридцать лет и потому привыкла первой доносить до людей любые новости. – С твоим Витькой все хорошо… Нет, нет… Не слышно… Не волнуйся…

Когда Семеновна набрала ее номер, Людмила не спала. Она встала пораньше, чтобы сделать завтрак сыну-курсанту и собрать его в мореходку. Неожиданный звонок выбил ее из привычного ритма.

– Что с ним? – кричала женщина в трубку. Телефонная связь с Териберкой была почти условной. – Что? Ноги сломал? Как? Он жив?

– Да жив, жив! – успокаивала ее Семеновна. – Жив! Но без гипса ему плохо!

Люда присела на стул и покачала головой: ее Витька был в своем репертуаре. Она набрала его телефонный номер, но трубку никто не взял. Кто ж знал, что Витька прыгал из окна без телефона.

– Сынок, там с папой что-то… – сказала Людмила сыну, когда он сел за стол. – Мне надо домой.

– Мам, по такой погоде… Это нереально!

– Знаю, но делать-то что-то надо.

– А что Семеновна сказала?

– Что все хорошо…

У Люды задрожал голос, и она отвернулась, чтобы сын не увидел слез. Но Мишка все видел и все понимал:

– Мам, да ты не волнуйся. Папа выкарабкается. Ты же знаешь – его ничем не возьмешь… – И он продолжил есть кашу.

Когда в региональном центре МЧС приняли доклад генерала по селектору, то даже опешили:

– То есть вы предлагаете пока ничего не предпринимать? – запросили они уточнение.

– Понимаете, – сразу же принялся оправдываться генерал, – мы сейчас ничего не можем сделать. По погодным условиям… По непогодным условиям… Техника… Не можем…

– Молчать! – крикнул начальник регионального центра.

– Фа-а-а? – попытался переспросить генерал, но поперхнулся.

– Молчать! – еще более грозно проревел высокий чин. – Я сказал, молчать!

Генерал покрылся испариной.

– Есть молчать! – запинаясь, произнес он.

– Совсем молчать! – бушевал начальник.

К счастью, его эмоции микшировал треск аппаратуры. В каком-то смысле это и спасло генерала, потому что гнев высокого начальства автоматически переключился на технарей, которые не обеспечили качественную связь. И пять минут начальник распекал телефонистов. Когда же он вернулся к заполярному генералу, то значительная часть его энергии уже ушла в ионосферу.

– А вам я приказываю в течение кратчайшего времени прибыть в Териберку и на месте разобраться в ситуации! Жду вашего личного доклада через сутки!

– Очевидно, что это политическая провокация! – С констатации этого факта начал экстренное совещание партийной организации лидер ее областного отделения Лермонтов. Он грозно обвел взглядом политсовет и повторил: – Пожар в котельной – это провокация! И с этим мириться нельзя! – Все пятеро собравшихся товарищей по партии молча закивали, разделяя возмущение Лермонтова. А тот продолжал язвить: – Нагадить хотят… На выборах… Не выйдет!

– Не выйдет! – задохнулся от гнева юный искренний активист Костик. Вскочил и тут же сел на свое место.

Надо сказать, что мурманский областной политсовет собрался на экстренное совещание в девять утра. Пришлось встречаться в усеченном формате, поскольку не все политсоветчики были готовы принимать ответственные решения в столь раннее апрельское утро. Но настрой у собравшихся все-таки был боевым. Самые горячие головы даже были готовы встать в пикет под свои знамена, которые аккуратно стояли наготове в углу.

– Надо срочно сделать заявление! – внесла предложение женщина с большим шиньоном на макушке и тяжелыми очками на носу.

– Правильно, срочно! – единогласно поддержали ее однопартийцы.

– Давайте набросаем тезисы! – перешел от слов к реальному делу Лермонтов. – Первое – мы расцениваем пожар котельной как провокацию со стороны наших политических оппонентов!

– Да… Да… Да… – пропел сидевший за столом хор.

– Не считаясь с интересами простых людей, они сделали все, чтобы подорвать доверие к нашему главе.

– Да… Да… Да…

– Ради своих политических дивидендов они готовы заморозить целый поселок!

– Да… Да… Да…

– Ну и… – задумался Лермонтов. – Что еще?

– Ну и что мы этого не допустим! – предложил кто-то из сидящих.

– Правильно! – согласился Лермонтов. – Я считаю, что мы сделали самое главное – мы отреагировали на ситуацию и четко обозначили нашу позицию. Именно в этом сейчас больше всего нуждаются жители Териберки! Надо срочно донести до них эту правду!

Соратники Лермонтова горячо поддержали речь своего лидера. Тезисы были приняты единогласно. А за окном в это время продолжал метаться колючий снег.

Ягайцев тоже не сидел без дела. Он стоял, ходил, возмущался. И даже позвонил в районную больницу и рассказал про пьяного мужика, который прыгнул с пятого этажа, и ничего с ним не случилось, не считая, естественно, сломанных ног.

– Ну ведь не убился, – констатировал дежурный врач, который только что принял роды и ужасно хотел спать. – Сейчас мы вам все равно ничем не поможем. Санавиация – исключено. Автомобиль – тем более… Так чего же вы от меня хотите? Я же не волшебник!

– А Витьке-то чем помочь?

– Витьке… Судя по тому, что вы рассказали, ему ничего не страшно. Дайте ему обезболивающее, пусть спит. А там видно будет. Может, метель и стихнет…

Да, Витьке хорошо, думал Ягайцев. Ноги сломал и лежит себе. А у нас тут и без него заморочек выше крыши. И он тяжело вздохнул.

Заморочек у главы поселка действительно было выше печной трубы. И о них знали далеко не все. Даже его партийное руководство было не в курсе некоторых его инициатив…

Вот уже несколько месяцев Ягайцев общался с неким Фруде – странным норвежцем, который подыскивал в Териберке недвижимость. Говорил, что собирается открывать здесь гостиницу. Так это на самом деле или нет, Ягайцев не уточнял. Если есть деньги, то почему бы не помочь их потратить. Главное, чтобы не обманул.

Официально никаких зданий, пригодных под гостиницу, в поселке вроде как нет. Но ведь если посмотреть на вопрос творчески, что-то переоформить, что-то вывести из-под одной статьи учета и подвести под другую, то эта задачка уже и не кажется неразрешимой. Найти вариант можно всегда, было бы желание. А оно у Ягайцева было. И всего за несколько месяцев он так удачно заморочил головы норвежцам, что даже умудрился получить аванс за капитальное здание средней школы тридцать шестого года постройки, впрочем, уже закрытой из-за отсутствия учеников.

И вот теперь иностранные инвесторы хотели своими глазами увидеть будущие владения. С учетом коллапса поселковой системы теплоснабжения более неудачного момента для этого придумать было нельзя.

После разговора с Ягайцевым Петрович вернулся к Семеновне.

– Не помог Ягайцев? – спросила Семеновна.

– Жди от него, – хмуро огрызнулся пожарный и подошел к Витьке. Тому дали обезболивающее, и он вновь уснул. – Слушай, а кто у нас в поселке умеет накладывать гипс?

– Гипс? – Семеновна не переставала хлопотать на кухне. – Ты сам посуди. Врач уехала. Ее нет. Значит, официально – никто. Зато фельдшером работала Патрикеевна. Значит, она вполне…

– Да ты что, мать? – возмутился Петрович. – Ей лет-то сколько!

– А ну и что? – парировала Семеновна. – Она и сейчас лучше других в хоре поет. И уколы делает. И даже роды может принять. А это вам не гипс замешивать!

Семеновна шумно открыла духовку и вытащили оттуда что-то румяное. У Петровича засосало под ложечкой.

– Возьми, поешь, – поправила платок Семеновна. – И потом иди к Патрикеевне. А я самогоном займусь…

Надо же было организовывать поездку в Териберку в самый-самый ураган, сокрушался Фруде. Сколько дней в году, выбирай любой, но нет же! Вот не везет так не везет!

Ему было из-за чего расстраиваться. Отчеты, которые он отправлял большому боссу, были вполне оптимистичны. Но теперь, когда тот сам решил удостовериться в прочитанном,

они не могут даже добраться до Териберки! Ситуация дурацкая! И Фруде вновь почувствовал у себя за спиной смешки коллег-доброжелателей, пусть даже те и находились в далекой Норвегии и вовсе не думали смеяться. А он по-прежнему сидел в гостинице и добросовестно ждал у Баренцева моря погоды. А ее все не было.

После разговора с Питером генерал даже обрадовался – потому что его не сняли с должности. Но потом вновь опечалился, потому что снять могут через двадцать четыре часа.

Генерал понял, что пора опять собирать совещание. Хорошо, что офицеры никуда не расходились и были под боком.

– Какой прогноз погоды? Доложите! – К генералу постепенно начала возвращаться его обычная твердость.

Майор, ответственный за погоду, развернул планшет, но порадовать ничем не мог.

– Ураган будет висеть над Териберкой и всем севером Кольского полуострова еще как минимум неделю.

– Какую неделю! – вскипел на подчиненных генерал. – Через двадцать четыре часа Питер ждет отчета с места! А вам – через неделю! Через неделю никого из нас здесь уже не будет!

Офицеры безмолвствовали. Они понимали, что генерал перегибает палку: всех не уволят. Разве что самого генерала. А их самих это вряд ли коснется, так что слишком близко к сердцу тревогу генерала они не принимали.

– Я не слышу предложений! – возмущался генерал безынициативностью подчиненных.

– Обратиться за бэтээрами на Северный флот, – предложил кто-то.

– Не дадут! – парировал сосед.

– Дадут, но не успеют подогнать из мест базирования, – рассудил спорщиков начальник штаба.

– Геологи?

– Они уже неделю сидят без солярки… Сами к нам обращались.

– А мы? – язвительно спросил генерал.

– Обещали вернуться к вопросу после урагана.

– Дотянули, мерзавцы, дотянули… – приговаривал генерал, расхаживая по кабинету вдоль длинного стола, за которым сидели старшие офицеры управления. Можно сказать, его цвет.

– Товарищ генерал, разрешите, – подал голос лейтенант, сидевший с самого края, почти вне зоны видимости высоких чинов.

Генерал повернул к нему голову и кивнул.

– Товарищ генерал, если вам надо отчитаться с места событий, а погода через двадцать четыре часа точно не наладится, то есть только один способ…

– Какой? – Глаза генерала нервно обшаривали лицо лейтенанта.

– Десантирование! – выпалил лейтенанта и от внутреннего страха захотел закрыть глаза. Потом добавил чуть менее уверенно: – На армейской авиации…

В кабинете воцарилась тишина. Никто и предположить не мог, как следует реагировать на эту безумную идею зеленого лейтенанта. Хочет выслужиться перед начальством, чего уж тут рассуждать…

Но реакция генерала была непонятной. Выслушав лейтенанта, он повернулся к нему спиной и в течение нескольких минут ходил по кабинету, держа театральную паузу.

Наконец он вернулся за свой стол и навис над офицерами.

– Готовьте операцию, – произнес генерал и сел в свое кресло. Оно чуть сдулось под его телом, словно парашют. – Готовьтесь. Полетим все! А вы, лейтенант, не забудьте взять видеокамеру, компьютер и провода… Какие они там нужны…

– Посмотреть? – разволновалась Патрикеевна, – Обязательно посмотрю! Обязательно! И как же ты дошел с перебитыми ногами, сынок?

Патрикеевна жила в подсобном помещении той самой школы, которую пытался продать Ягайцев. Раньше здесь был еще и медпункт, потому и квартиру ей дали рядом с рабочим местом. Когда школу закрыли, врачей тоже попросили на выход: перенесли фельдшерский пункт поближе к администрации. Но старого фельдшера сгонять с насиженного места не стали – отправили на пенсию, а в ее доме поставили буржуйку. И на том спасибо, сказала тогда благодарная Патрикеевна и обняла Ягайцева. О том, что он через несколько месяцев надумает продать ее вместе со школой норвежцам, она даже не могла помыслить.

– Да не я ноги поломал, мать, – раздосадованно повел головой Петрович. – Я ж тебе говорю – это Витька ноги перебил.

– Значит, занятий хора на этой неделе не будет? – уточнила бывший фельдшер.

– Мать, ну конечно не будет! – начал злиться Петрович. – У него ноги нерабочие, а ты про хор!

– Хорошо, хорошо, – запричитала Патрикеевна. – То есть ничего хорошего, конечно. Но теперь понятно…. Значит, его в гипс положить, правильно?

– Правильно. Упаковать так, чтобы на Большую землю доставить. Сможешь?

– А чего не смочь? Дело не хитрое. Смогу! А гипс у вас есть, сынки?

Этот вопрос Патрикеевны поставил Петровича в тупик.

В плавмастерских, точнее, в том, что от них осталось, всегда кто-нибудь был. Хотя ремонт судов и стал делом редким, но по хозяйству поселковому народу всегда была нужна помощь. Вот и сейчас, несмотря на ураган, уважаемый всеми мастер на все руки Михалыч сидел у верстака, ковыряя старый заклинивший замок. Рядом пыхтела печка-времянка, исправно работавшая еще с конца 50-х годов.

– И ведь ни один шов не разошелся, – восхищался Михалыч, показывая на нее. А та привычно подвывала в унисон ветру, гулявшему над сопками.

– Михалыч, у тебя гипс есть? – с порога спросил Петрович.

– Откуда у меня гипс? – спокойно произнес Михалыч, выискивая шуруп в стоявшей под тусклой лампой коробке. – У меня гипса нет.

Петрович подошел к печке и протянул к ней руки, чтобы немного согреться.

– А гипс-то тебе зачем? – не отрываясь от работы, спросил Михалыч.

– Витька ноги сломал. А врача нет… Так я думаю, мы его в гипс уложим, а там и до врача довезем.

– А врача-то вызывали?

– Ягайцев вызывал. Только что толку при такой погоде… Хоть вызывай – хоть не вызывай. В районной больнице сказали, чтобы сами нашли выход из ситуации.

Мастер оторвался от работы:

– Петрович, а ты в курсе, что у Елены дочка на сносях? Что будете делать, если она рожать вздумает?

– Типун тебе! – замотал головой Петрович. – Одного Витьки достаточно.

Михалыч поднял взгляд куда-то в потолок. Трудно сказать, что он там разглядел в кромешной темноте, но вскоре предложил вполне конкретный вариант:

– Знаешь, что… У Никулиных ремонт… По-моему, они и гипс тоже закупали.

– А чего это у них ремонт?

– Так им новую квартиру дали.

– Это за что ж им так свезло? Никому не дают, а им – пожалуйста.

– Значит, положено, – вяло и без интереса к чужим материальным приобретениям произнес Михалыч. – Только ты им не говори, что это я сказал. Мало ли, какие у них были виды на этот гипс.

– Нет у нас гипса, – с порога ответила Нюрка. – Самим не хватает. Вон какие дыры в стенах!

Анна Никулина, вся разгоряченная, раздраженно клеила на стены старые газеты, надеясь хоть как-то выровнять результаты работы еще советских строителей. В ход шла неизвестно как уцелевшая периодика двадцатилетней давности с лозунгами про перестройку, ускорение и гласность.

– Так их не гипсом, а цементом надо заделывать, – объяснял Петрович, разглядывая стены и попутно выясняя, не попадется ли ему на глаза мешок с гипсом.

– Легко сказать – цементом! – демонстративно возмущалась Нюрка. – Где я тебе его возьму? Еще скажи, что песок нужен.

– Точно, нужен, – подтвердил Петрович.

Нюрка взмахнула мокрой тряпкой.

– Вот ты мне его и принесешь! А сначала выкопаешь из-под сугробов!

– А если принесу, дашь гипсу?

Нюрка устало махнула рукой:

– Правда нету гипсу… Закончился. Весь в дыры ушел. – В ее голосе чувствовалось какое-то колебание: говорить – не говорить. – Но знаю, где есть.

– И где? – кивком головы спросил Петрович.

– Во врачебном кабинете. И он, кстати, там не строительный, а медицинский! – Это она, конечно, съехидничала, ну да это простительно, если весь дом в ремонте, а муж – неизвестно где.

Гипс… кабинет… ключи… – выстраивал логическую цепочку Петрович. Ключей от фельдшерского кабинета у него не было. Времени на поиски – тоже. И Петрович вновь направился в слесарные мастерские.

– Михалыч, кабинет вскрыть надо, – отряхиваясь от снега, произнес пожарный.

– Какой? – не отрываясь от верстака, спросил мастер.

– Фельдшерский. Гипс там. А ключей нет. – Петрович вновь подошел к печке и раскрыл полушубок, чтобы прогреться получше. – Сделаешь, а? А то Витьку спасать надо.

Михалыч внимательно посмотрел на своего знакомого, встал и вышел из освещенной части комнаты.

Пожарный знал, что Михалыч направился к своему знаменитому щиту, о существовании которого знал каждый житель поселка. Но говорить на эту тему было не принято.

Дело в том, что квартирные замки в поселке имели условное значение. Практически любую дверь можно было открыть и без ключа. Но при этом замки регулярно выходили из строя, а ключи регулярно терялись. Наиболее дальновидные поселковые жители заранее делали дубликаты и специально оставляли у Михалыча один ключ в качестве резерва. Конечно, они путались в своих ключах, меняли их, забывали, и таким образом у Михалыча появился огромный щит, на котором под стеклом висело примерно полторы сотни ключей разных форм и конструкций: от современных до раритетных. Самый старый из них был датирован 1956 годом и подходил к старому амбарному замку, который еще вчера болтался на двери запасного выхода уже не существующей котельной. Ключ был, а двери и замка уже не было. Такое тоже случается.

Чтобы сохранять видимость конфиденциальности, про эти дубликаты не говорили, но все знали, что они есть. Михалыч хранил их как оружие в пирамиде – строго под замком и печатью, имевшейся только у него. И время от времени про эти комплекты вспоминали их хозяева.

Михалыч неспешно отворил створки щита. Подслеповатым взором поискал нужный ключ и снял его с крючка.

– Вот, – протянул он Петровичу ключ от фельдшерской. – Потом вернешь.

– Спирту захватить? – уточнил уже в дверях Петрович. В ответ Михалыч посмотрел поверх очков.

– Ну, для оптики, – пояснил Петрович.

– Для оптики захвати маленькую, – согласился Михалыч. – Врач ведь не возражает, если для дела. Витьку-то надо будет отпаивать.

– Вот и я говорю, для Витьки…

Вообще-то милиции в Териберке не имелось. Ее сократили здесь еще в середине 90-х. И охраной правопорядка занимались местные пограничники.

Они-то и сцапали Петровича, когда он тянул из стеклянного шкафчика бутылочку спирта. А когда пограничники увидели рядом мешок гипса, то картина преступления оказалась налицо.

К сожалению для Петровича, в задержавшем его наряде были молоденькие ребята, которые только-только прибыли служить в Териберку. Были б на их месте старослужащие, у них никаких вопросов к главному местному пожарному не возникло. Но тут все получилось наоборот.

Рассказы про Витьку, гипс и Михалыча для ребят были пустым звуком. Они равнодушно затянули Петровичу руки за спиной и положили его на волокушу, которая теперь летела навстречу ветру за снегоходом, который подскакивал на каждой кочке.

Пограничники увозили Петровича к себе на заставу.

В мурманском отделении политической партии уже целый месяц как отключили Интернет. Поэтому распространять политическое заявление по поводу ситуации в Териберке было непросто. Пришлось искать нестандартный выход. В условиях непогоды это было еще сложнее.

Для того чтобы донести до людей правду, однопартийцы решили идти в интернет-кафе. Ближайшее находилось в центральной мурманской гостинице. Место, конечно, не самое подходящее для представителей непримиримой оппозиции, но в экстремальные моменты приходится идти на жертвы.

Суровый и решительный активист из молодежного крыла партии Костик вошел в сверкающий никелированными обводами холл гостиницы. Его большая меховая шапка, занесенная снегом, полушубок и валенки смотрелись в этой обстановке вызывающе. Костик даже немного растерялся. Настоящего идейного работника такие мелочи не могут смутить, решил активист, и шумно отряхнулся от снега.

С прищуром оглядевшись, он подошел к опасливо, но все-таки улыбавшейся, как того требовали инструкции, девушке на рецепции.

– Где тут у вас есть Интернет? – Костик снял шапку и поправил ладошкой смятые и слипшиеся волосы.

Движением тонкой руки, которую украшали золотые кольца и цепочка, девушка указала в сторону бара. Костик угрюмо кивнул. Ему казалось, что он ведет себя достаточно твердо и решительно.

В баре Костик заказывать ничего не стал. Лишь оплатил полчаса работы в Интернете. Этого времени ему действительно хватило, чтобы набрать текст и отправить его на сайт партии.

Когда работа была завершена, Костик набрал номер своего руководителя.

– Териберка ушла, – сдержанно и с чувством собственного достоинства доложил он и с каменным лицом выслушал скупую благодарность. К чувству собственного достоинства прибавилась гордость за достойно выполненное задание.

Костик подумал, что, в принципе, может уходить, но в этот момент он поймал взгляд некого человека, который до этого смотрел куда-то в сторону. Человек был явно иностранного происхождения. Иностранец чуть привстал и вежливо обратился к Костику:

– Простите, – произнес он по-русски. – Что значит “Териберка ушла”?

Мишка, конечно, волновался за отца. Но не очень. И не потому, что не любил. Просто он знал, что его отец обладает необъяснимой везучестью. Что, собственно, и подтвердил прыжок из окна. А ведь это был не единственный подобный случай в биографии отца.

Чего стоила ночь, которую отец провел на берегу неспокойного Баренцева моря. Тогда все решили, что Витька утонул, а он всего-навсего уснул после рыбалки под одним из валунов. А потом еще и рассказывал, как ему сладко отдыхалось.

Или ремонт крыши поселкового клуба, который был поручен Витьке и обернулся тем, что именно на его голову эта крыша и упала. И что характерно, Витька в той ситуации совсем не пострадал.

Впрочем, шутки шутками, а предпринимать что-то надо. Хотя бы для того, чтобы успокоить мать.

И тогда Мишка пошел за помощью к начальнику своей морской практики. Тот выслушал курсанта, посмотрел в глаза мальчишке. И все понял: и про отца, и про ураган, и про мать. Выслушал парня и снял телефонную трубку.

Пограничная застава в Териберке в очередной раз находилась в состоянии реформирования. Это был такой перманентный процесс, который никогда не заканчивался и к которому все привыкли. Как говорится, солдат спит, а реформа идет. За время трансформаций здесь уже не раз поменялся личный состав, лейтенанты доросли до капитанов и даже майоров, но так никто и не смог внятно объяснить, каким же должен быть пограничный пункт в Териберке.

Одним из тех счастливчиков, кто служил, несмотря на реформы, был старший лейтенант Коломийцев. Он провел в Териберке уже почти полтора года. Провел фактически на чемоданах, которые по приезде даже не стал распаковывать. Даже жену не стал привозить, потому что начальники все время обещали скорое сокращение заставы, а ему лично – повышение по службе.

Шли месяцы. Коломийцев успел получить дополнительную звездочку на погоны, но судьбоносное решение так и не приходило. Зато он хорошо узнал всех местных браконьеров. Сказать по правде, даже подружился с ними.

Нет-нет, он не был с ними заодно. Но жизнь сложнее, чем любая схема. Коломийцев посмотрел на местный люд, на то, что работы у них нет и в ближайшие год-два не предвидится. А рыба давала хоть какой-то доход. И по молчаливому незапрету вышестоящего начальства на улов небольшого размера было решено глаза закрывать. В конце концов, не арестуешь же целый поселок.

Но молоденькие пограничники этого еще не знали. Потому и привезли Петровича на заставу, когда старший лейтенант Коломийцев вновь находился на пороге нового этапа своей жизни. Из Мурманска пришла очередная срочная телеграмма, и лейтенант со дня на день ждал окончательного перевода на новое место службы. Ждал-ждал, а тут этот ураган, сам собой отменивший любые переводы, перемещения и назначения. Да еще эти двое молодых да ретивых орлов привезли Петровича. Других дел у них, что ли, не было?..

– Ну и?.. – многозначительно посмотрел Коломийцев на представшую перед ним заснеженную троицу.

Солдаты доложили что-то подобающее в данной ситуации и соответствующее уставу, словно просыпали горох внутрь барабана. Коломийцев грустно посмотрел на них.

– Свободны, – произнес он, выслушав доклад.

Пограничники удалились, протопав во внутренние помещения заставы по старому деревянному полу.

Петрович смущенно смотрел на начальника.

Начальник тоскливо смотрел в окно.

– Как ты вообще умудрился попасться в такую погоду? Тут даже на берег не выйти, а ты еще и браконьерил!

– Да что ты! – мягко возмутился Петрович. – Какой браконьерил! Я же гипс искал в медпункте. А тут они…

– Гипс? – Коломийцев недоверчиво покачал головой. Он вообще за первые годы службы научился не доверять людям. – За спиртом, наверное, лез…

Сказать по правде, Коломийцев был близок к истине. Но он, конечно же, не знал о благородной подоплеке поисков пусть даже и спирта.

– Не без этого, – решил не вступать в глупые препирательства Петрович. – Да мне же не просто так нужно, а Витьку спасать.

– А с Витькой что?

– Ноги сломал. Решили мы его в гипс закатать, чтобы до прибытия врачей дотянул. А тут уж и спирт пригодится. Продезинфицировать, обезболить…

Колмийцев кивал в такт словам Петровича. Он верил ему, потому что знал местную жизнь во всей ее простоте. И понимал, что Петровичу, а самое главное Витьке, действительно надо помочь. Только вот как? Он же не волшебник, чтобы доставить сюда врача. Поэтому лейтенант снова вызвал своих подчиненных:

– Везите его обратно! – приказал Коломийцев озадаченным солдатам. – И помогите гипс отвезти.

– Вот за это, старший лейтенант, искреннее тебе спасибо, – сказал, уходя Петрович.

Фруде полностью находился на одному ему доступной волне, когда услышал про Териберку. Ведь именно ради нее он и приехал в эту занесенную снегом страну. Всеми силами души он стремился в эту самую недоступную точку на карте Мурманской области. Непредсказуемое появление рядом с ним снежного человека со словом “Териберка” на

устах было воспринято Фруде как сигнал свыше. Он понял, что этого человека нельзя отпускать ни при каких обстоятельствах.

Он заказал еще один бокал пива и посмотрел в смущенные глаза Костика.

– И как там, в Териберке? – спросил Фруде.

– Сплошная провокация, – осторожно ответил Костик, не зная, чем обернется разговор. – Котельная сгорела.

– А что так?

– Это политика, – лаконично объяснил Костик.

– А как вообще?

– Вообще… – Костик озадаченно смотрел в бокал и отхлебывал вкусное пиво, от которого быстро хмелел. – Вообще-то там шторм. И ничего с этим не сделаешь. Как ни крути.

Тот же самый наряд, который поймал Петровича, доставил его вместе с гипсом к Витькиным ногам. Они отекали. Боль усиливалась. Пострадавшему хормейстеру пришлось еще раз дать обезболивающее средство.

Когда все подготовительные работы были выполнены, Петрович вновь пошел к Патрикеевне. Она уже напрочь забыла про Витькины ноги и принялась топить печь.

– Какая печь, мать! – возмутился Петрович в ответ на просьбу обождать.

– Да мне совсем чуть-чуть, – объясняла Патрикеевна. – Не бросать же! А вы пока идите, раствор делайте…

Можно и раствор, подумал Петрович и, вернувшись к Витьке, принялся месить белый порошок.

Поскольку в Териберке все делалось на глазок, приблизительно, то соблюдением пропорций он не обеспокоился. В результате раствор оказался неправильным: схватывался слишком быстро. Пока Патрикеевна добиралась к пациенту, гипс начал стремительно затвердевать. Так что Петровичу опять пришлось брать ответственность на себя.

Широкими, что называется, мазками он начал укладывать на тело безропотно лежавшего и молчаливого с перепугу Витьки белую липкую замазку.

Когда нижняя часть Витькиного тела была упакована в белый кокон, он стал похож на половину мумии, у которой на теле имеются всяческие завихрения, оставленные древним мастером. Хотя на самом деле Петрович просто не успевал разглаживать капризную массу.

Пришедшая в конце концов Патрикеевна в целом одобрила фельдшерские способности Петровича. Но тут же опытным взглядом определила, что гипс замешен слишком круто.

– Распилить его будет непросто, – покачала она головой. – Ну да в больнице и не такое делают. Уж я-то знаю…

А после этого отправила Петровича отдирать от рук капризную массу, что под холодной водой оказалось нелегкой задачей.

Тем временем Териберка начала замерзать. Котельная-то сгорела. Поначалу ничего не понимавший народ чего-то ждал. Потом принялся кучковаться у подъездов, а вскоре сквозь пургу направился в поселковую администрацию. Это была целая заснеженная процессия, которая пробиралась сквозь непогоду, чтобы достучаться до власти.

Власть в лице Ягайцева сидела в своем кабинете. Поначалу он вообще не хотел вступать в контакт с народными посланниками, но скрываться было бессмысленно.

– А что я могу сделать? – разводил он руками. – Котельную кто строил? Мои предшественники. И даже предшественники предшественников. С них и спрос. Мы тут бессильны.

– Что значит – бессильны?! – возмущались бабы, которых такой казуистикой не проведешь. – Вы власть или не власть?

– Власть, – ответствовал перед народом Ягайцев, – однако в данной ситуации мы бессильны.

– А что вы вообще сделали, власть?

– Я проинформировал МЧС. Они обещали держать ситуацию на контроле. Я сообщил в наш политсовет. Мы опубликовали заявление о недопустимости сгорания котельных. Я… – На этих словах люди зашумели и не дали Ягайцеву закончить свою мысль, тем более что и мысли-то никакой внятной не было.

Сказать по правде, Ягайцев был подавлен. Вместе с котельной сгорела его мечта. Шансы заманить в поселок наивных норвежцев таяли столь же стремительно, как остывали батареи в домах Териберки. Продавать было нечего, только запах гари в воздухе. И с каждой минутой поселок все более становился виртуальным, невидимым, несуществующим. Что уж тут продашь…

Вот о чем болела душа у поселкового главы. А тут еще ураган. И возмущенные люди. И Витька со своими ногами. Все всегда приключается не вовремя…

Спасатели готовились к десантированию. Выяснилось, что в управлении хотя бы один раз в жизни с парашютом прыгало человек пять, не больше. И все не из руководящего состава.

Допустить такое генерал не мог. Потому оперативно отправил на экстренную подготовку всех своих заместителей. По этому случаю тоже был объявлен экстренный сбор.

За несколько часов занятий руководство местного управления научилось складывать и раскладывать парашюты. И даже сдало зачеты. Офицеры докладывали инструктору о своих успехах, но в душе очень надеялись, что до реального десантирования дело все-таки не дойдет. Одно дело – играть в сурового командира, другое – заставлять подчиненных прыгать в неизвестность ради отчета перед вышестоящим начальством.

Все с надеждой изучали прогноз погоды. Если бы вдруг ураган ушел, то прыгать не пришлось бы. Но данные синоптиков были неутешительны: над Териберкой по-прежнему висела непогода. Оставалось надеяться на всепогодный вертолет, который в настоящий момент находился аж в Вологде. Если он задержится там до прояснения неба, то прыгать в Териберку с головой точно не придется.

Когда Витьку полностью закатали в гипс, он окончательно протрезвел.

– Ты зачем из окна прыгнул? – спрашивала его Семеновна.

Витька отмалчивался.

– Совсем допился, – развивала разговор Семеновна. – Вот жене-то радость…

– А я ей не скажу, – попытался защититься Витька.

– А то она не узнает!

– Скажу, что ситуация сложилась критическая. Надо было спасаться.

– Надо? Вот теперь и лежи тут, пока тебя не заберут.

– А когда это будет, Семеновна? Ты не знаешь?

– Кто же эту метель знает, Витенька, – посочувствовала она несчастному хормейстеру.

Фруде и Костик пили уже по четвертому бокалу пива. Фруде очень хотел в туалет, но боялся оставлять без присмотра ценный источник информации. Костика мучила та же самая потребность, но он боялся потерять источник пива. Так они и крепились.

– А вот скажите, почему она все-таки сгорела? Не ждет ли такая же участь весь поселок? – интересовался Фруде.

– Сказать по правде, для поселка это было бы очень даже неплохо, – рассуждал охмелевший и осмелевший Костик. – Сгорит там все, так не надо будет тратиться, чтобы сносить.

– А как же люди?

– Только спасибо скажут! Это точно… Эх, налей-ка мне еще пивка, шпион ты мой норвежский! – И Костик даже приобнял Фруде. Тот в ответ улыбнулся. Про шпиона он не понял.

Жители Териберки, конечно, были возмущены отсутствием тепла в трубах. Но переживали по этому поводу недолго. У подавляющего большинства из них еще не успела сложиться привычка к мало-мальски обустроенной жизни. И потому, не дожидаясь милости от природы и властей, они перешли на автономное самообеспечение. Кто-то разжег печки, кто-то переключился на электрический обогрев, кто-то завел собственный дизель. Интуиция не подвела: свой альтернативный вариант спасения в нашей стране надо иметь всегда. Лишним он никогда не будет. Как говорится, на ягайцевых надейся, а сам не плошай.

Фруде был разочарован. Костик нарисовал столь мрачную картину, что все его светлые представления о современной гостинице в Териберке рассыпáлись, как карточный домик на ветру. Если в Териберке нет тепла, а политическое противостояние оборачивается сгоревшими котельными, то о чем вообще можно говорить, размышлял норвежец.

– Вот такой маркетинг получается, – сказал ему на прощание Костик, махнул рукой и грустно вышел из бара.

В душе у Фруде боролись противоречивые чувства. В очередной раз ему казалось, что он смог получить объективную картину и узнать, что же это такое – Териберка. Ему даже казалось, что так и стоит называть эту загадочную страну: не Россия, а Териберка. Но ясности от этого открытия не прибавилось.

Фруде уже почти был готов признать свою маркетинговую ошибку, сказать самому себе и большому боссу, что его идея с гостиницей в Териберке – это пшик, пустота. Но, с другой стороны, большой босс уже подъезжает к Мурманску и, конечно же, ждет от своего подчиненного внятного отчета о проделанной работе. И самое главное – Фруде не может позволить себе оказаться несостоятельным в собственных глазах.

– Маховик запущен, останавливаться нельзя, – сказал он сам себе и грозно завис над барной стойкой. Бармен недоуменно посмотрел на иностранного посетителя, но тот только неопределенно качал головой.

Весь день Людмила не находила себе места. Потому что без Витьки, как бы она его ни ругала, этого места ей не было. Пусть оно – это место – и находилось в забытом Богом поселке на краю Земли. Пусть и плохонький, но там ее дом, свой муж – непутевый, а все-таки любимый. Там – ее жизнь. И никуда от этого не деться, раз уж так получилось.

Весь день женщина искала оказию в Териберку. По такой погоде это было совершенно нереально. Женщину отговаривали все: знакомые, водители и синоптики. Людмила никого не слушала.

В конце концов с машиной помог командир курса мореходки, где учился сын. Уговорил какого-то знакомого, который взялся отвезти женщину в Териберку.

На следующий день она села в нанятую на отложенные на покупку мебели деньги машину и отправилась в путь. Водитель заломил цену по максимуму и деньги взял вперед. Садясь

за руль, рассчитывал, что вскоре вернется домой – пробиться сквозь ураган все равно не получится, а на подвиги никто не подписывался…

О том, что ее могут обмануть, Людмила даже не думала. Они ехали сквозь сплошную белую стену. Водитель роптал, выжидая минуту, когда сможет повернуть в Мурманск. Женщина его не слушала. Она думала о муже.

– Ехать дальше нельзя, будем возвращаться… – хмуро произнес ее спутник, не поворачиваясь к женщине. Людмила смотрела на него непонимающим взглядом. Она действительно не понимала, что говорит этот человек. А человек начал выкручивать руль, чтобы развернуть машину и не застрять в наметенных на дороге сугробах.

Ее крик не смогли заглушить даже ветер и шум двигателя. Людмила закричала и потом несколько раз ударила водителя рукой, в который были зажаты варежки.

Мужчина пытался отбиваться, но это выходило неуклюже. Чтобы успокоить женщину, он оттолкнул ее и тяжело приложился рукой по лицу.

Людмила заплакала. Мужчина остановился и шумно выдохнул:

– Погибнем, дура… – Он поправил шапку и вновь взялся за руль.

Видя, что она ничего не может изменить, Людмила открыла дверь, вышла из машины и, дрожа под порывами ветра, пошла по дороге в сторону Териберки.

Дать ей уйти означало обречь женщину на верную смерть. Водитель выскочил из машины, схватил женщину за плечо и повалил на снег.

– Куда идешь, дура? – кричал мужчина ей в лицо, но Людмила его не слушала. Она чувствовала свою силу. Она не боялась ни чужого человека, ни урагана – ничего. А мужчина боялся. И этот страх удержал их двоих от непоправимых шагов.

Когда они вернулись в салон, выяснилось, что машина глубоко увязла в снегу. Двигатель бесполезно ревел, колеса вращались, да все впустую. До Териберки оставалось километров шестьдесят.

– Непогода? – недоуменно и жизнерадостно переспросил после приезда в Мурманск большой босс у Фруде. – Так это и хорошо! Есть же специальные машины. Надо просто их арендовать! Я думаю, ты с этим справишься, дружище!

Поддержка большого босса подействовала на Фруде успокаивающе. Он перестал бояться, ушло чувство неопределенности, зато вернулись норвежские обстоятельность и деловитость, которые он растерял за месяцы работы с русскими партнерами. И через несколько часов перед гостиницей стояло несколько джипов, на которых можно было доехать хоть до Северного полюса. Оказывается, такие в Мурманске тоже есть. Выезжая в Териберку, Фруде отправил сообщение Ягайцеву: “Встречайте!”

На шестидесятом километре териберской дороги норвежцы увидели занесенную снегом машину, в которой замерзали Витькина жена и водитель.

Ничего не понимавшие норвежцы спасли людей, согрели их и выдернули машину. А потом столь же спокойно продолжили свой путь. Людмила поехала в Териберку вместе с ними, а ее спутник отправился в Мурманск, как и хотел с самого начала.

Десантирование офицеров управления генерал назначил на десять часов утра, у роковой черты, определенной вышестоящим начальством. Всепогодный вертолет к тому времени все-таки добрался до Кольского полуострова и был готов принять в свое чрево отважных спасателей. А синоптиков заставили пообещать небольшой просвет и доложить, что шторм немного утихнет.

Генерал первым вошел в вертолет. Как всегда, он был суров и решителен. За ним угрюмо двинулись его подчиненные. Они все еще верили, что прыжки с парашютом заменят экстремальной посадкой в чрезвычайных обстоятельствах.

– Они у нас всегда чрезвычайные, – произнес кто-то из офицеров, сидевших на скамейках по бортам вертолета. Эта реплика потонула в грохоте винтов.

Полет до Териберки занял чуть больше тридцати минут, разделяющих благополучный Мурманск и накрытый снежным колпаком рыбацкий поселок. И – о чудо! Когда вертолет вышел в точку десантирования, ураган над Териберкой действительно стих. Тучи разошлись, а над поселком открылось почти идеально чистое небо.

По лицам спасателей пробежала улыбка. Чутье их не подвело: до прыжков дело все-таки не дошло. Хотя они-то к этому были готовы.

Когда Ягайцев получил сообщение от Фруде и понял, что встреча с норвежцами неизбежна, он первым делом хотел сбежать. Но бежать из Териберки было некуда.

Затем он решил спрятаться, но его все равно нашли бы. Свои же простодушные териберчане подскажут норвежцам, где его искать.

И тогда он вызвал старинный териберский хор. Ради искусства женщины-певицы, как солдаты, собрались в неотапливаемом зале клуба быстро и в полном составе.

Ягайцев лично встречал приехавших норвежцев на пороге школы. За ним – с хлебом и солью – стоял териберский хор. Женщины хотели сразу запеть, но Ягайцев так суетился, что не оставлял никакого пространства для творчества.

Не теряя темпа, он провел гостей по холодным коридорам, рассказывая о преимуществах здания, которое намеревался продать. Показывал старые классы и даже библиотеку, в которой сохранилась уйма редких книг, включая собрание сочинений Сталина.

По каменным лицам норвежцев понять что-либо было сложно, и только когда их привели в огромный промерзший актовый зал и там грянул хор, их лица потеплели.

Песня лилась под сводами и сквозь щели и дыры в окнах вылетала в териберские сопки. Она звучала мягко и лирично:

По заливу глыбы-льдины

Катят рядышком и врозь.

Мурман, Мурман – холодина,

Зря меня ты не морозь.

“Хорошо поют!” – подумал Ягайцев, и его душа наполнилась гордостью за свой поселок и даже за всю Россию.

Фруде и большой босс внимательно слушали русских женщин и уважительно кивали в такт музыке. Они не понимали, о чем поют женщины, но видели в их сильных и спокойных лицах красоту и боль, которые женщины пронесли через всю жизнь – жизнь трудную и суровую, как северное море, бьющееся о териберские скалы. В женских глазах не было угрюмой тоски, а лица светились ощущением надежды, которая вот-вот должна появиться в их краях и наконец-то стать явью.

А еще в хоре была девочка лет восьми-девяти – единственная среди взрослых поморок. Она старательно выводила слова и с опаской смотрела в зал. Там, за границей освещенной сцены, начинался полумрак, обычно пугавший девочку. Но она училась не бояться этой границы света и темноты, и, кажется, сейчас это почти получалось.

Выводя мелодию песни, она вспомнила, как два месяца назад вместе с классом ездила в Мурманск и впервые в жизни оказалась в кино. “Пираты Карибского моря” поразили девочку яркими красками, стремительным движением и загадочными героями. И теперь в темноте зала – примерно в том месте, где сидели Фруде и большой босс, – перед девочкой возникали картины из далекой и нереальной пиратской жизни. И от этого девочке становилось веселее.

…Посреди песни Фруде почувствовал, что зацепился брючиной за шляпку гвоздя, который некстати торчал под его коленкой из старого кресла. Дорогая ткань потянулась, и магия момента для Фруде рассеялась. Но большой босс ни за что не цеплялся и лишь смотрел на лица поющих женщин. И все понимал даже без перевода – и про тоску, и про надежду, и про гостиницу, которую они хотели здесь строить.

А над Териберкой тем временем метель уже совсем успокоилась, вышло солнце, и в небе появился всепогодный вертолет. Он несколько раз с грохотом облетел поселок, заставляя териберчан запрокидывать головы.

Потом, зависнув над старым, заброшенным со времен Великой Отечественной войны аэродромом, командир доложил генералу, что можно приступать к десантированию.

Необходимости в нем уже вроде бы и не было. Но для порядка генерал все-таки заставил парочку своих подчиненных, в которых не сомневался, продемонстрировать свои навыки – не зря же они тренировались.

“Да и для отчета хорошо будет”, – решил генерал.

Инициативный лейтенант сам вызвался на прыжок, потому что был искренне увлечен происходящим, рвался в бой и еще не устал от службы. Он снимал на камеру все этапы операции и даже под куполом парашюта умудрился сделать пару кадров.

А вот приземление у него вышло неудачным. Сказалось отсутствие опыта. Да и камера помешала сосредоточиться на прыжке. Острая боль пронзила лейтенантское тело от пятки до бедра и ударила куда-то в мозг.

Самому генералу нырять в открытый люк не пришлось. Он спокойно приземлился вместе с вертолетом. Следом за ним из машины вышли офицеры управления. Убедившись, что потерявшему сознание лейтенанту ничего не угрожает, кроме собственного служебного рвения, они перенесли пострадавшего “десантника” в вертолет и уложили на скамейку. Переломанная нога – это не самый плохой вариант в нынешних условиях. Могло быть гораздо хуже.

К этому моменту выяснилось, что старый аэродром находится километрах в пяти от самой Териберки и добираться до нее пешком предстоит не меньше часа.

Генерал был в шоке. Доклад в Питер находился под угрозой срыва. На помощь пришли пограничники. Конечно, они из другого ведомства, но все-таки тоже народ в погонах. Начальник заставы подкатил к вертолету на двух снегоходах и без лишних разговоров забрал генерала с собой.

До сеанса связи оставалось четверть часа. Однако этого времени хватило, чтобы добраться до сгоревшей котельной. Хорошо еще, что не забыли взять у выпавшего из боевого строя лейтенанта комплект для подключения к Интернету и камеру.

Пока ехали, начальник заставы рассказал генералу о ситуации, а контрактник-пограничник и офицер управления сумели настроить компьютер и модем. Техника начала передавать сигнал в Питер еще во время движения. Большим чинам из центра такая динамичная картинка даже понравилась – выглядело как в боевике. Или как в “Пиратах Карибского моря”.

Через пятнадцать минут разгоряченный после поездки на снегоходах, с обветренными щеками, генерал эффектно предстал перед камерой на фоне сгоревшей котельной. Его лихой морозный вид создавал у вышестоящего руководства правильное впечатление, а доклад звучал бодро и звонко. Приятно было слушать. И все были довольны. Одни отчитались, другие приняли доклад. И по докладам все было “на контроле”.

Ягайцев разрывался между генералом и норвежцами. В один и тот же миг он должен был находиться и там, и тут. Перед одними отчитываться за пожар в котельной, перед другими – рекламировать поселковые перспективы, одновременно улыбаться и делать озабоченное выражение лица. Что и говорить, требования взаимоисключающие, но спасло, как обычно, стечение обстоятельств.

После сеанса связи генерал осмотрел сгоревшую котельную и крепко высказывался по поводу увиденного. И рядом, между прочим, не было никого, кого можно было бы назначить виновным за происшедшее. Свои офицеры управления были ни при чем. А из местных генерала сопровождал только начальник пожарный дружины Петрович.

На первый взгляд он подходил на должность “крайнего”, но было в его изборожденном морщинами лице что-то такое, что не позволяло повесить на Петровича всех собак. Да и Петрович сумел правильно подать информацию начальству. Ведь и правда – и жертв удалось избежать, и пожар не перекинулся на соседние дома. При этом Петрович все больше поддакивал генералу, бодро рапортовал, тряс старыми письмами, писанными в администрацию о необходимости укреплять пожарную службу. Посмотрев на эти писульки, генерал решил устроить жестокий разнос местной администрации во главе с Ягайцевым.

– Ну, где этот беглый браконьер?! – грозно произнес генерал, стоя посреди руин.

Петрович неопределенно и многозначительно повел плечами:

– Встречается с норвежцами…

– Так он же для них персона нон-грата! – удивился генерал.

Петрович в ответ только развел руками.

– Какой-то абсурд, – раздраженно сплюнул гарь себе под ноги генерал. – Поехали к Ягайцеву!

Когда генерал добрался до поселковой школы и увидел норвежцев, большую часть эмоций он уже растряс на неровностях дороги. И перед норвежцами предстал с радушной русской улыбкой на устах. Тут же за его спиной нарисовался Петрович и знаками дал понять Ягайцеву, что часть напряжения ему удалось снять.

Генерал вежливо поздоровался со всеми гостями и обменялся с ними несколькими словами, которые помнил из школьных уроков немецкого языка. Он сурово сверкнул глазами в сторону Ягайцева, но в этот момент чувство патриотизма возобладало над законами административной борьбы. Генерал решил, что тему сгоревшей котельной в присутствии норвежцев лучше вообще не поднимать. Не позориться же перед иностранцами.

И пока те осматривали актовый зал, генерал отвел в сторону Ягайцева. С учетом ситуации он опустил всю эмоциональную преамбулу и коротко, полушепотом спросил:

– Что нужно?

– Обогреватели, – также вполголоса ответил Ягайцев.

– Электричество потянет? – спросил генерал. – Сети не рухнут?

– Все может быть, – признался Ягайцев. – Но без обогревателей замерзнут люди.

Генерал выругался себе под нос:

– Сегодня начнем чистить дорогу, сразу отправим утепление. А пока держитесь.

– Постараемся, – ответил Ягайцев, и они, словно заговорщики, пожали друг другу руки.

Выяснив ситуацию на месте и в сотый раз выслушав сбивчивые объяснения Петровича, генерал погрузился в вертолет. На месте ЧП он оставил троих офицеров из управления, которым поручил наладить помощь замерзающему поселку до подхода основных сил.

Когда двигатель был запущен и винты начали набирать обороты, отошедший в сторону Петрович хлопнул себя по лбу и ринулся к кабине пилотов.

– Витьку взяли? – пытался перекричать он шум мотора.

– Что? – переспрашивал летчик.

– А этого, с переломами, взяли? – уточнял Петрович.

– Да взяли, – махнул рукой летчик и кивнул в сторону салона. – Там лежит…

Удовлетворенный Петрович кивнул в ответ и помахал рукой. Через несколько минут вертолет улетел на Большую землю, растворившись в сиянии прозрачного неба.

…Людмила благополучно добралась до Териберки вместе с норвежцами. Всю дорогу большой босс по-стариковски улыбался и подбадривал взволнованную женщину.

Людмила улыбалась в ответ.

Оказавшись в поселке, она сразу же побежала домой по заснеженным тропкам, протоптанным там, где раньше были дороги. Снег ярко сверкал в лучах пробившегося сквозь ураган солнца и словно напоминал, что даже в эти края скоро обязательно придет весна.

На входе в подъезд Людмилу увидела соседка со второго этажа и тут же высунулась в форточку.

– У Семеновны он! – крикнула женщина без лишних объяснений.

– Спасибо! – произнесла Людмила и сразу же повернула в другую сторону.

Когда она переходила через дорогу, мимо нее пролетели снегоходы с начальником заставы и еще какими-то военными. Людмиле было не до них – пропустила и пошла дальше.

Дверь у Семеновны, как всегда, была открыта. Людмила толкнула ее и оказалась в квартире. На пороге стояла хозяйка. Всплеснув руками, хозяйка шумно выдохнула и приосанилась.

– Живой! – произнесла Семеновна гордо и уступила Людмиле дорогу в узком коридорчике.

Женщина осторожно вошла в комнату. Там на кровати лежал ее Витька – непутевый, нескладный, забинтованный в гипс, и все-таки самый родной для Людмилы человек.

Когда Витька увидел жену, в уголках его глаз появились слезы, а лицо расплылось в улыбке. Он что-то попытался произнести, но поперхнулся и лишь закашлялся. Однако Людмила все поняла и без слов. Они смотрели друг на друга и улыбались. И чувствовали, что все-таки счастливы.

Все, о чем мы рассказали, произошло в Териберке без малого год назад.

Вы спросите, что там изменилось с тех пор?

Да по большому счету ничего. Ничего принципиального.

Ягайцева сняли с должности главы поселения за срыв отопительного сезона. Его партия очень возмущалась по этому поводу, но ничего не смогла поделать против политических козней конкурентов. Однопартийцев Ягайцева утешило только то, что пришедший на смену новый глава поселка через несколько месяцев тоже оказался в опале – за растрату бюджетных средств и погоревшие сети. А он, между прочим, был совсем из другой партии.

Котельную восстановили, но без сетей она все равно была бесполезна.

После лечения, на которое ушло два месяца, Витька вернулся в Териберку. И в Мурманск, и обратно его подвозили норвежцы. Петрович договорился об этом с большим боссом. А тот, собственно, и не возражал. А уж когда выяснилось, что Витька руководит поморским хором, который так понравился большому боссу, норвежцы и вовсе прониклись к переломанному хормейстеру особенно теплыми чувствами.

Большому боссу вообще понравилось в Териберке.

– В таком месте люди не могут жить плохо. Когда-нибудь здесь все наладится, – сказал босс, похлопывая Фруде по плечу.

И уже через несколько месяцев Фруде привез в Териберку макет будущей гостиницы и начал набор персонала для ее ремонта. Что характерно, управляющим к себе он взял все того же незаменимого Петровича.

Начальник заставы по-прежнему сидел на чемоданах. К нему приходили разные директивы, причем каждая новая лишь отменяла предыдущую. Командир уж и вовсе решил, что это такое заколдованное место – Териберка: раз попал сюда, то ни за что не выбраться. И лишь далекая жена не хотела этого понимать.

Сразу после выздоровления Витька с Людмилой опять загорелись идеей уехать из Териберки на Большую землю, поближе к сыну, да пока никуда не уехали.

Зато сын устроился на работу в Норвегию, на рыбацкий траулер.

– Поработаю, а там, может, и вернусь, – сказал Мишка перед отъездом, и родители согласились. Попереживав за сына, они остались в Териберке ждать вместе с поселком лучшего будущего.

Каждый день Витька приходил в дом культуры. А два раза в неделю занимался с хором. Женщины аккуратно посещали репетиции, невзирая ни на погоду, ни на время года.

Ноги у Витьки срослись, как будто и не ломались. Вот только ныли иногда, когда над Териберкой гулял промозглый ветер, а серое небо цеплялось за сопки. В эти дни Витька сидел дома и все больше молчал, думая о чем-то своем.

А еще брал в руки баян и вздыхал вместе с ним под мелодию о Териберке, которую сочинял всю жизнь.

Териберка – мой край родной,

Ты стал для нас любимым,

Ты мягким ветром успокой –

Как стать мне здесь счастливым…

Мелодия текла над сопками и под ударами ветра рассыпалась на сотни маленьких нот. Превратившись в капли дождя, они падали на землю и камни, в песок и студеные воды Баренцева моря. Ноты наполняли собою воздух и становились частью вечной жизни старинного поморского поселка.